

УДК 82.111.0+821.161.1.09

ДЖ.ЭЛИОТ И Л.ТОЛСТОЙ: РЕЛИГИОЗНЫЕ ИСКАНИЯ И НРАВСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ

© Т.Л.Селитрина

В статье рассматриваются религиозные искания английской писательницы Джордж Элиот, современницы Л.Н.Толстого. Для обоих авторов первостепенное значение имела мысль о моральном возрождении человека. Оба писателя проповедали моральное усовершенствование как всеобщий извечный нравственный закон.

Ключевые слова: Л.Толстой, Дж.Элиот, религиозные искания, нравственный идеал.

В списке для М.Л.Ледерле, который просил Толстого назвать сто лучших книг мировой литературы, оказавших на него существенное влияние, автор «Войны и мира» в разделе «35 – 50 лет» отметил, что романы Элиот имели для него «большое значение» [1: 260]. В письмах, в трактате «Что такое искусство» имя английской романистки упоминается неоднократно.

В 1840 – 1850-е годы, в эпоху формирования своей личности, Л.Н.Толстой пишет своей родственнице А.Н.Толстой: «Ежели бы вы были в России, я бы вам прислал «Сцены из жизни духовенства» Элиот, но теперь только прошу прочесть, особенно «Исповедь Дженет». Вот и нравственная и религиозная книга, но которая мне очень понравилась и сделала сильное впечатление» (12 июня, Ясная Поляна, 1859 г.) [1: 52]. В этом же году он делает следующую запись в дневнике: «Читал «Адама Бида». Сильно трагично, хотя и неверно и полно одной мысли. Этого нет во мне» (11 октября, 1859 г.) [1: 54]. При этом его неизменно привлекали высокое нравственное чувство и трагедийность произведений Элиот. С особенным восхищением отозвался он о «Феликсе Холте»: «Превосходное сочинение. Я читал его, но когда был очень глуп, и совсем забыл. Вот вещь, которую надо бы перевести, если она не переведена. Я еще не кончил и боюсь, что конец испортит. Это мне дал брат Сережа. Передай ему, что все правда, что он говорил мне про эту книгу, – все там есть...», – пишет Толстой своей жене в феврале 1885 г. [1: 184].

Этот интерес русского классика к Дж.Элиот нельзя считать случайным: он обусловлен близостью тех социально-исторических проблем, которые волновали обоих писателей, а также рядом индивидуально-психологических особенностей Толстого – человека и писателя, роднивших его с английской романисткой [2].

Дж.Элиот в детстве и отрочестве была поглощена мыслями о Боге и спасении души, о цели мироздания, стараясь подчинить жизнь аске-

тическим религиозным принципам. Оказавшись впервые в Лондоне, она посещала только церкви, полагая театры и концерты греховным зрелищем, воспринимая жизнь как «паломничество, призывающее к борьбе и лишениям, а не к удовольствиям и покою» [3: 15].

Ее русский современник Лев Толстой писал о себе в «Исповеди»: «Я был крещен и воспитан в православной христианской вере. Меня учили ей и с детства, и во все время моего отрочества, и юности... Ребенком я верил горячо, сентиментально и необдуманно, потом, лет 14, стал думать о жизни вообще и наткнулся на религию, которая не подходила под мои теории, и, разумеется, счел за заслугу разрушить ее» [4: 510]. По его словам, с шестнадцати лет он начал заниматься философией, и «тотчас вся умственная постройка богословия разлетелась прахом» [5: 43].

Сама эпоха середины XIX века сопровождалась бурным развитием философской мысли. В Европе и в России читают «Жизнь Христа» Штрауса и «Жизнь Иисуса» Э.Ренана. Изучив только что опубликованную книгу младогегельянца Чарльза Хеннела «О происхождении христианства», Элиот почувствовала сомнения в непоколебимости религиозных догматов. В ее религиозных взглядах произошел резкий поворот, и она перестала ходить в церковь. С особым увлечением она принялась за изучение философских трудов Руссо, Спинозы и Канта: «О если бы мне удалось примирить философию Локка с Кантом» [3: 21].

Оказавшись в Ковентри, а затем в Лондоне среди передовой интеллигенции в 1847 году Элиот осуществила перевод книги Штрауса на английский язык, потратив на это три года. Затем она перевела «Сущность христианства» Фейербаха, мечтая написать исследование «о преимуществе утешений, доставляемых философией, над утешениями, доставляемыми религией» [3: 21]. Здесь Элиот почти буквально процитировала

Фейербаха, который полагал, что философия заменит религию, давая людям вместо утешения понимание своих реальных возможностей в деле достижения счастья.

Работа Фейербаха появилась во время напряженной борьбы между знанием и верой, наукой и религией. В предисловии к первому изданию философ отметил, что «теология рассматривается им не как мистическая прагматология, вразрез с христианской мифологией, и не как онтология, вразрез с умозрительной философией религии, а как психопатология» [6: 2]. В предисловии ко второму изданию он добавил, что его философия отрешилась «от субстанции Спинозы, от “Я” Канта и Фихте, от абсолютного тождества Шеллинга, от абсолютного духа Гегеля и тому подобных отвлеченных, только мыслимых или воображаемых вещей и сделала своим принципом действительную, вернее, самую действительную сущность, истинное человека, то есть самое положительное реальное начало... Я доказываю, что истинный смысл теологии есть антропология, что между определениями божественной и человеческой сущности, следовательно, между божественным и человеческим субъектом или существом нет различия, что они тождественны» [6: 7].

Мыслитель приходит к выводу, что истинная религия – это религия без Бога. На его взгляд, религиозное чувство присуще психологии человека, оно непреодолимо, но он считал, что любовь человека к человеку, в особенности плотская любовь, это и есть религиозное чувство. Ортодоксальную религию Фейербах заменял религией любви. Вслед за ним Элиот подчеркивала, что «в изображенных ею духовных лицах важны не частности их вероисповедания, а их общая и неосознанная принадлежность к религии любви» [7: 84]. Сама идея Фейербаха о «религии» сердца, безусловно, привлекала Дж.Элиот. В одном из своих писем она писала: «Я во всем согласна с Фейербахом. Его книга освежает меня. В ней есть правда и красота» [8: 153].

В трудах ряда отечественных и зарубежных исследователей присутствует мысль о резком разрыве Элиот с религией и о переходе от веры к неверию. Эта точка зрения нуждается в корректировке. Стоит согласиться с первым русским биографом Элиот Л.Давыдовой, которая подчеркнула, что перемена религиозных убеждений не повлияла на саму сущность ее мирозерцания: «оставшись без “догмата”, она сохранила все свои прежние взгляды на нравственные задачи и стремления человека» [3: 18]. Л.Давыдова цитирует письмо Элиот к миссис Пирс (сестре младогегельянца Брея, написавшего работу «Фи-

лософия необходимости» (1857)): «Я ничего так страстно не желаю, как принять хоть какое-нибудь участие в крестовом походе для освобождения истины. Хотя теперь поступки мои уже не находятся в зависимости ни от страха вечной муки, ни от надежды на вечное блаженство, я все-таки продолжаю глубоко верить, что единственное возможное счастье заключается в подчинении своей воли Высшему началу, в постоянном стремлении к идеалу» [3: 19].

Уже закончив перевод книги Штрауса «Жизнь Христа» и «Сущности христианства» Фейербаха, она пишет переводчику Гегеля на английский язык Джону Сибри по поводу французской Революции 1848 года: «Ужасно рада, что Вы такого же мнения, как и я, о великой нации и ее деяниях... Я бы с радостью отдала несколько лет жизни, чтобы быть теперь там и посмотреть на людей баррикады, преклоняющихся пред образом Христа, который первым научил людей братству» [9: 254].

В 1855 году, после смерти Николая I, надеясь на перемены в общественной жизни, Толстой пишет, что нужно трудиться и мужаться, чтобы участвовать в этих важных минутах в жизни России: «Вчера разговор о божественном и вере навел меня на великую, громадную мысль, осуществлению которой я чувствую себя способным посвятить жизнь. – Мысль эта – основание новой религии, соответствующей развитию человечества, религии Христа, но очищенной от веры и таинственности, религии практической, не обещающей будущее блаженство, но дающее блаженство на земле» [4: 507].

Виктор Шкловский убедителен в своей мысли о том, что трудность понимания религии Толстого состоит в том, что он вкладывал в слова «религия», «Бог» в разное время, а иногда и в одно и то же время различные значения [4: 506].

Е.В.Николаева в содержательной работе «Худоожественный мир Льва Толстого 1880 – 1890 гг.» обращает внимание на тетралогия Толстого «Исповедь», «Исследование догматического Богословия», «В чем моя вера?», в которых он не только рассказывает о пути, по которому он шел в поисках смысла и основного назначения своей жизни: «идя по этому пути, Толстой «спасся от самоубийства» и «вернулся к вере в Бога» [10: 81]. Исследовательница считает, что утвердившаяся вера привела писателя вначале к традиционной религии и ее обрядам, а затем к разрыву с каноническим учением церкви. Е.В.Николаева подчеркивает, что «разрыв с церковным учением, не подразумевающий в то же время отказа от религиозного мирозерцания, потребовал изложения своей позиции, потому логиче-

ским продолжением мысли явился трактат «В чем моя вера?», и наконец, в работе «Так что же нам делать?» Толстой размышляет «над конкретными проблемами современного ему общества с позиции своего нового мировоззрения, вскрывая несовершенства социально-экономического устройства этого общества, обличая несправедливость и пытаясь пробудить в своих современниках не только сострадание к несчастным, но и желание сделать все возможное для более справедливого переустройства мира» [10: 81].

И Толстой, и Дж.Элиот подходили к критике действительности как моралисты. Истинная нравственность в понимании Толстого органически связывалась с патриархально-крестьянским строем жизни и его нравственными нормами. В раннем творчестве у Дж.Элиот («Адам Бид») любовное изображение нравственности простых крестьян, «добывающих свой хлеб честным трудом», связано с идеализацией патриархального прошлого, как и у русского писателя. У рассматриваемых писателей можно обнаружить известную общность в подходе к действительности, в ее эстетическом восприятии, в творческом методе.

Б.Сучков в своей книге «Исторические судьбы реализма» подчеркивает: «У Дж.Элиот, еще непосредственно связанной с диккенсовско-теккереевской традицией, тема нравственного разрушения и нравственного возрождения личности, тема власти эгоизма соединялась с аналитическим изображением социальной среды и ее противоречий» [11: 187].

В своих романах и повестях Элиот критически изображала быт и нравы зажиточного мещанства, ставила под сомнение буржуазную законность и политику. Разумеется, толстовская критика буржуазного строя значительно превосходила по своей остроте, а тем более по художественной силе сравнительно «умеренную» критику английской буржуазной действительности Элиот. Толстой намного превосходил ее и знанием жизни народа, и более непосредственно отражал в своем творчестве сознание трудящихся, поработанных буржуазным строем.

Известно, что Толстой отрицал политику и проповедовал нравственное самоусовершенствование личности. В свою очередь, как и большинство европейских писателей второй половины XIX века, Элиот отвергла идею революционного преобразования общества. Писательница отдавала предпочтение эволюционному принципу развития и называла себя «мелиористом», т.е. человеком, верящим, что «мир исправим и медленно исправляется, но препятствия на этом пути ог-

ромны, а близкие перспективы не очень блестящи» [12: 173]. Однако постепенное улучшение «неустроенной жизни» Элиот связывала с каждодневной деятельностью индивидуума: «Не сидеть и причитать, а быть героическими и творческими» [12: 472]. Не составляет труда связать это высказывание английской реалистки с дневниковой записью Толстого 1898 года: «Самое короткое выражение смысла жизни такое: мир движется, совершенствуется, задача человека участвовать в этом движении и подчиняться и содействовать ему» [13: 183].

Мысль о необходимости беспокойных, рвущихся натур сказалась в содержании ее романов «Ромола», «Феликс Холт», «Миддлмарч». Для дворянской и разночинной интеллигенции (Лидгейт, Доротея Брук, Феликс Холт) присуще неутомимое искание лучшего, высокое понимание своего общественного признания и нравственного долга. «Я приезжала, бывало, из деревни, наглядевшись до боли на всю эту грязь и нищету <...> Мне кажется, что мы не имеем права выступать вперед и требовать широких реформ, пока мы не попытаемся изменить зло, которое у нас под руками», – рассуждает Доротея Брук, героиня романа «Миддлмарч» [14: 350].

Наиболее приемлемой формой общественно-го прогресса Элиот считала постепенное, в границах буржуазной законности движение масс за избирательное право и демократические реформы. Заметим также, что у ее современников Мердита и Диккенса любое политическое движение также вызывало внутренний протест, поскольку оно казалось им опасным и разрушительным. Они считали необходимым начать преобразования общества с культивирования добрых чувств и проповеди милосердия и самопожертвования [16: 18].

По мнению большинства исследователей, после 1880 года, во время идейного перелома, в жизни Толстого происходит сдвиг, приведший к усилению моралистического, проповеднического начала. Писатель обосновывает принципы новой христианской религии, «очищенной» от догматов официальной церковности. Толстой от безверия искал пути к новой вере [10: 64]. Под влиянием изменившихся творческих задач он отмечал в трактате «Что такое искусство?»: «С начала нынешнего столетия появляются все чаще и чаще и в литературе, и в живописи произведения высшего религиозного искусства, проникнутые истинным христианским духом...». В качестве образцовых произведений такого искусства он указывает на драму Шиллера «Разбойники», роман Гюго «Отверженные», диккенсовские «Колокола» и «Историю двух городов», «Адама Би-

да» Дж.Элиот, «Хижину дяди Тома» Бичер-Стоу, «Записки из Мертвого дома» Достоевского. К разделу «религиозного искусства» он затем прибавил раздел «хорошего всемирного житейского искусства» [17: 159, 161]. Произведения житейского искусства Толстой относит к «хорошему искусству» потому, что они, как и произведения религиозного искусства, по словам писателя, «производят одно и то же действие – любовное единение людей» [17: 157]. Разница только в том, что произведения религиозного искусства передают «чувства любви к Богу и ближнему», а произведения житейского искусства показывают людям, что они «уже соединены единством радостей и горестей житейских» [17: 159].

Как и для Толстого, для Дж.Элиот на протяжении в сущности всей литературной деятельности первостепенное значение имела мысль о «моральном возрождении» человека: «Всякое высокое искусство в первую очередь сознательно посвящало себя самым глубоким моральным проблемам» [18: 227]. Пропаганда Контом идеи «новой религии» – культа «Великого существа», под которым подразумевался человеческий род, поклонение высоким моральным стремлениям человека, были близки Дж.Элиот как ревностной моралистке: «В мире медленно идет работа по совершенствованию морального облика человека. И эта мысль тесно связана с моими взглядами на религию, которые Вас заинтересовали, – объясняет Элиот Бичер-Стоу. – Я уверена, что религия также должна видоизменяться. Она должна служить в меньшей степени личному утешению и в большей мере внушать человеку благоговейное чувство ответственности» [19: 29-31]. Таким образом, как мы видим, христианская религия воспринималась Дж.Элиот прежде всего в морально-этическом аспекте. Она отождествляет ее с «восхитительной эмоцией братства». Толстой в это же время писал: «Я смотрю на христианство не как на исключительное божественное откровение, не как на историческое явление, я смотрю на христианство как на учение, дающее смысл жизни» [20: 806].

В 90-е годы писатель много раз возвращался к характеристике нравственного закона и неизменно трактовал его как «религиозно-нравственный закон» [21: 142]. Но ни в статьях об искусстве, ни в дневниках и письмах он не ставил знака равенства между эстетикой и религией. Напротив, он указывал на их разные цели и разное назначение. Другое дело этика и эстетика. Формула Л.Н.Толстого: «Эстетика есть выражение этики, т.е. по-русски: искусство выражает те чувства, которые испытывает художник. Если чувства хорошие, высокие, то и искусство будет хорошее,

высокое, и наоборот. Если художник нравственный человек, то и искусство его будет нравственным, и наоборот» [14: 119] – близка воззрениям Элиот. Художник, по ее мнению, не вправе подходить к изображаемому бесстрастно: «Я буду писать, исходя из своих внутренних побуждений, писать о том, что я люблю и во что я верю, о том, что, по моему мнению, является понастоящему добрым и верным, если только я смогу это достойно воспроизвести» [13: 227].

Во взглядах на художественное творчество, которые Толстой и Дж.Элиот отстаивали в различные периоды своей деятельности, есть созвучные мысли. Многие высказывания об искусстве у Толстого почти дословно совпадают с тем, что писала Элиот, хотя он не мог знать ее высказываний по вопросам литературы. Но дело, конечно, не в частных совпадениях. Следует исходить из реального содержания мировоззрения и творчества писателей. Т.Л.Мотылева замечает: «Понятно, что в обосновании и отстаивании основ реалистического художественного творчества Толстой смыкался с великими мастерами реализма, работавшими в разное время, в разных странах» [22: 65]; в их числе, на наш взгляд, и Дж.Элиот.

1. Толстой Л.Н. О литературе. М.: Гослитиздат, 1955. – 259 С.
2. См. об этом: Селитрина Т.Л. К вопросу о типологической близости эстетики Дж.Элиот и Л.Толстого // Литературные связи и проблема взаимовлияния. – Горький: ГГУ им. Н.И.Лобачевского, 1982. – С. 30 – 43.
3. Давыдова Л.К. Дж.Элиот. Ее жизнь и литературная деятельность. – СПб., 1891. – 74 с.
4. Шкловский Б. Лев Толстой. – М.: Молодая гвардия, 1963. – 864 с.
5. Зверев А., Туниманов В. Лев Толстой. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 782 с.
6. Фейербах Л. Сущность христианства. – М.: Мысль, 1965. – 151 с.
7. Кузьмин Б. О Голдсмите, О Байроне, О Блоке. – М.: Худ. лит-ра, 1977. – 310 с.
8. The George Eliot's Letters in 7 vols / Ed. by Gordon Haight. New Haven: Yale Univ. press, 1954 – 1955.v.2 - 276 p
9. The George Eliot's Letters in 7 vols / Ed. by Gordon Haight. New Haven: Yale Univ. press, 1954 – 1955.v.1 - 278 p
10. Николаева Е.В. Художественный мир Льва Толстого. 1880 – 1900 гг. – М.: Флинта Наука, 2000. – 272 с.
11. Сучков Б. Исторические судьбы реализма. – М.: Сов. пис., 1970. – 456 с.
12. Stephen L. G.Eliot. – L., 1902.-254 p

13. The George Eliot's Letters in 7 vols / Ed. by Gordon Haight. New Haven: Yale Univ. press, 1954 – 1955.v.3 - 474 p
14. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. – т. 53. – М.: Гос. изд-во худ. лит., 1928 – 1958. – 563 с.
15. Eliot George. Middlemarch. A Study of Provincial Life. – N.Y., 1965. 908 с
16. Дьяконова Н.Я. Философские истоки мирозерцания Диккенса // Изв. АН. 1996. – Т. 55. – № 1. (Серия литературы и языка). – С.17 – 28.
17. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. – т. 30. – М.: Гос. изд-во худ. лит., 1928 – 1958. – 585с.
18. The George Eliot's Letters in 7 vols / Ed. by Gordon Haight. New Haven: Yale Univ. press, 1954 – 1955. – v.4 – 500 p.
19. The George Eliot's Letters in 7 vols / Ed. by Gordon Haight. New Haven: Yale Univ. press, 1954 – 1955. – v.5 – 475 p.
20. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. – т. 24. – М.: Гос. изд-во худ. лит., 1928 – 1958. – 1012с.
21. Ломунов К. Эстетика Толстого. – М.: Современник, 1972. – 478 с.
22. Мотылева Т.И. О мировом значении Толстого. – М.: Сов. пис., 1957. – 725 с.

G.ELIOT AND L.TOLSTOY: RELIGIOUS QUEST AND SPIRITUAL IDEAL

T.L.Selitrina

The article reflects the religious quest of the English writer George Eliot who was Leo Tolstoy's contemporary. For both writers the idea of moral rebirth was of paramount importance. Both writers preached the moral improvement as the universal eternal moral law.

Key words: L.Tolstoy, G.Eliot, religious quest, moral improvement, spiritual ideal.

* * * * *

Селитрина Тамара Львовна – доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германского языкознания и зарубежной литературы Башкирского государственного педагогического университета им.М.Акмиллы.

E-mail: selitrina@yandex.ru

Поступила в редакцию 16.05.2013